

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вся страна по телевидению следила за переносом мощей Серафима Саровского — это стало событием национального масштаба, отвлекло миллионы людей от политики, митингов, забастовок. Не хлебом единым...

Вновь открываются старые монастырские обители. Ушла мерзость запустения из Толги — ожил, возродился этот монастырь под Ярославлем. На Валаам вернулись насельники, и среди них внук Павла Флоренского. Не забылась народом дорога в Оптину пустынь...

Надо быстрее забыть кошмар насильственного атеизма. С каждым днем громче звучат колокола над Россией. Все возвращается на круги своя.

Пелена шитая
«Явление
Богоматери
Сергию
Радонежскому.
Праздники и

святые».
Работа
вел. кн.
Соломонии
Сабуровой.
1525 г.

Embroidered
shroud "The
Appearance of
the Virgin
to st. Sergius
of Radonezh.

Church Feasts
and Saints".
Work of Grand
Princess
Solomonina
Saburova. 1525

Перенос мощей
преп. Серафима
Саровского.
1991 г.
Фото автора

Transfer of
the remains
of St. Seraphim
of Sarov. 1991.
Photo by the
author

«И послан бысть ко мне един от серафимов»

Записки очевидца

Александр МИЛОВСКИЙ

Открывшееся взору теплое золотистое поле взшло на горизонте сиянием куполов, и столь ясно и тихо стало вокруг, так ладно и благостно после тысячеверстного нынешнего российского разора, что увиделось мне в этом еще одно чудо преподобного Серафима. Чуда, за которым я шел сюда, в южный предел Нижегородской земли, вместе с тысячами других паломников, стекавшихся в Дивеево со всей России, из дальних и ближних ее городов и весей, чтобы участвовать во вторичном обретении и прославлении мощей одного из величайших русских святых — Серафима Саровского.

Но жгучий стыд за судьбу отечества соседствует с радостью в день возвращения к нам из небытия Саров-

ского чудотворца. Ведь и само имя это, как и название соседствующих Саровской и Дивеевской обителей, возвышавшие и смягчавшие прежде людские души, а потом надолго вымаранные из народной памяти, теперь нуждаются в пояснении, словно это не наше, родное, сокровенное, а некая экзотика забытых и неведомых стран. Многие ли из нынешнего поколения «научных атеистов» знают, что преподобному Серафиму более чем кому-либо из христианских святых являлась наяву, иногда при свидетелях, Божья Матерь — двенадцать раз, а заброшенная до недавнего времени Дивеевская обитель слыла четвертым после Афона, Иерусалима и Киевской Печерской лавры вселенским жребием Небесной Царицы? Что 19 июля 1903 года

при прославлении мощей Серафима в Саровский монастырь стекло со всей России триста тысяч православных во главе с императорской четой? Что саровский прорицатель и прозорливец за столетие с поразительной точностью предрек грядущие судьбы России: «...произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение церквей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются... Будет такая скорбь, чего от начала мира не было!.. Ангелы не будут успевать принимать души?»

Как мучился, наверное, он, придавленный этим страшным знанием, как истово молился, пытаясь отвести беду и сознавая, что сие не под силу смертному. Недаром, как сказал о саровском праведнике Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, «Преподобный Серафим был тем духовным огоньком, у которого отогревалась Россия». Люди тянулись к нему, преклонялись перед человеком, святой жизнью своей ближе всех подошедшим к Христу, человеком, в котором воплотилась мучительно желанная и недостижимая мечта о соединении с Богом, растворении себя в нем — Мария дважды сказала, придя к нему: «Этот нашего рода».

Что знаем мы об одном из величайших православных святых? Родился Прохор Мошин — таково его мирское имя — 19 июля 1759 года в Курске, в небожой купеческой семье. В три года лишился отца. Семи лет по неосторожности упал с самого верха колокольни церкви во имя Сергия Радонежского, которую строили его родители, и чудесным образом остался цел и невредим. Местный юродивый сказал тогда матери его Агафии: «Блаженна ты вдовица, имея сие детище, ибо будет оно крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир». В отрочестве Прохор смертельно заболел, но был опять-таки чудесно спасен, прикоснувшись к иконе Знамени Божией Матери, которую несли крестным ходом по городу и ввиду грозы пронесли через двор Мошниных. Учился по псалтыри и другим книгам отцов церкви, знал наизусть многие главы из Библии.

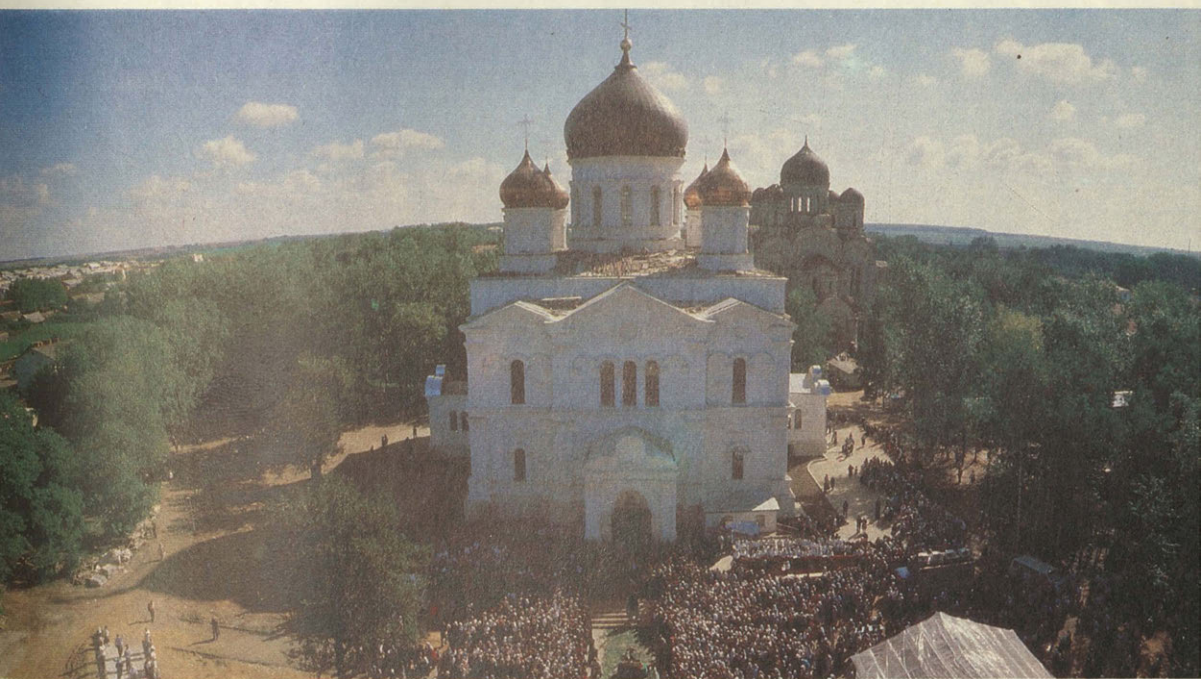
В семнадцать лет твердо решил брать иноческий путь. Получив благословение матери, отправился в Киев на

поклонение святым мощам печерских угодников. Старец Досифей, живший отшельником в десяти верстах от лавры, узрел в юноше «светильник неугасимый» и предрек, что вселится в него Дух Святой. Он указал Прохору как на место будущих подвигов Саровскую пустынь, славную подвижниками традиции «умной молитвы».

В Саровскую обитель Прохор вступил 20 ноября 1779 года и был принят послушником. С усердием молился и трудился на всех работах, соблюдал крайнее воздержание в пище, ел единожды в день, а по средам и пятницам обходился вовсе без пищи. Вскоре вновь тяжело заболел, пролежал три года, отказываясь от врачебной помощи и уповая на Бога. Умиравшего Прохора исповедали, причастили, после чего он сподобился чудного видения — ему явилась Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и коснулась его рукой и железом. Опухоль вскрылась сама собой и вскоре больной выздоровел.

По описаниям Прохор был голубоглаз, имел прямой нос и густые брови, светло-русые волосы, длинные усы и окладистую бороду. Был могуч телом, светел умом, добр сердцем, тверд волей и любим братией. 13 августа 1786 года настоятель монастыря отец Пахомий постриг его и нарек именем Серафим, что значит «пламенный», «пламенеющий», но также и «согревающий». В ангельской иерархии серафимы как носители чистого огня божественной любви стоят на первом месте. «И послан бысть ко мне один от серафимов, и в руке своей имяше уголь горящ, его же клещами взят от олтаря...» — привиделось когда-то пророку Исайе. Так и Серафиму Саровскому предпослано было согреть людские души жаром небесной любви.

А потом были тридцать лет иноческого подвига, поражающего воображение, — жил один в лесной келье, где кормил с рук медведя, накладывал на себя обет молчания, 1000 дней и ночей непрестанно молился на коленях с гранитного камня, питался травяным отваром, безропотно отдался на расправу разбойникам, став после этого согбенным калекой, подверг себя затвору в холодной монастырской келье, где спал на мешках с камнями. Единственным из всех христианских святых он последовательно прошел ВСЕ формы подвижничества. «Монах-пустынножитель, строгий затворник, но и любвеобильный старец, столпник и трудник, — писал философ и богослов Сергей Булгаков в 1933 году, — казалось, он превзошел человеческую меру на всех путях подвижничества своего восхождения, и житие его было непрестанной молитвой и богомыслием, боговедением

и боговидением. Как древние пророки от среды народа своего — Амос, пастух Фекойский, или Иоиль, сын Вафиулов, или иные — в среде народа своего он стал как бы новозаветным пророком, возвещающим Царствие Божие».

Пятидесяти шести лет Серафим открыл келейную дверь братии и паломникам, ступив на путь старчества, то есть духовного служения людям — «умного делания», как говорили тогда. Кроткому и радостному старцу образ Божий открылся в каждом человеке, и каждого из тысяч шедших к нему он встречал с христианской любовью словами пасхального приветствия: «Радость моя, Христос воскрес!»

Церковные жития и даже светские жизнеописания святых сродни иконам — они составляются по своим канонам. С неперменным указанием на особую кротость и смирение, на раннюю устремленность к Богу, в них чудесные исцеления от недугов и спасение при несчастных случаях, в них борение со страстями и соблазнами, победа над бесами, в них подвиги святого и его чудеса. Как разглядеть за этим неперменным набором живого Серафима, как пробиться к его человеческой сущности, чтобы понять, чем обязана Россия появлению в XIX веке, на пороге ее роковых перемен, такого титана духа? Как наконец разгадать природу божественного избрания?

Самые пытливые и незаурядные умы России задавались этими вопросами. Возмем размышления философа Василия Ро-

занова в его эссе «По тихим обителям»: «В пору, когда Пушкин писал «Руслана и Людмилу», декабристы зачитывались Ламартином и Байрон пел «Чайльд Гарольда», в эпоху конгрессов, Меттерниха, в эпоху начинающегося социального брожения, — в этих лесах жил человек, явивший изумительное воскресение тех тихих и созерцательных душ, какие во 2-м, 3-м, 4-м веках нашей эры жили в пустынях Ливии, Синая, Сирии. Ни один еще святой Русской земли так не повторил, но без преднамерения, неумышленно, великих фигур, на которых собственно, как мост на сваях, утвердилось христианство. И какие особенные слова у них были? Какое учение? Томов они не оставили: хотя в трепетной памяти потомства и запомнились 2—3, 5—6 афоризмов, «изречений» их. Где же тайная их сила? Неуловимо. Но Небо им что-то сказала. Лег знак Неба на чело их. Все это почувствовали, через что — неизследимо! Но все запомнили, отметили. Все с тех пор идет сюда. Это — особенное место, особенное лицо, не смешиваемое с мудрецами, с великими вздымателями волн истории: как Гус, Иероним Пражский, Лютер. Здесь — все тихо. Была ли здесь хоть малейшая неправда, как есть она везде, во всем на земле, по слабости человеческой, по греху человеческому? Мне кажется, существо «отшельничества», в первой и чистой фазе его, и заключалось в желании «уйти от греха». Ибо «грех» всегда является от замешательства обстоятельств, от столкновения их с

Торжества в Спасо-Дивеевом женском монастыре под Арзамасом. Фото автора

Celebrations at the Diveyevo Convent of the Saviour near Arzamas. Photo by the author

лицом человеческим и лица человеческого с ними. Уединись — и станешь немного лучше. Уединись надолго — душа успокоится. На этом основаны религиозные идеи отдыха, праздника (бесшумного) и покоя. Наконец, уйди на всю жизнь в леса, к звездам, к утреннему солнцу, к живительной росе, проводи рукою по этой холодной росе на утренней заре или, поднявшись на пригорок, следи, как солнце садится в купы деревьев, — и так сегодня, завтра, всегда, — и душа очистится, станет прозрачна, как слеза росы на зелени, без мути в себе, без пыли на себе. Она сольется с природой, сделается от нее не различимой. И природа как бы уже прижизненно вберет в себя такого человека, как она вбирает всякого после его смерти...»

Теперь, по прошествии времени, достаточного для размышлений, становится все яснее, что Серафимово предназначение России осознано далеко не полностью, что трагическая его посмертная судьба предопределена давно, а пророческие слова, что «по воскресенью своим он из Сарова перейдет в Дивеево и там начнет проповедь всемирного покаяния», — это в сущности и есть то самое, что переживаем мы теперь. Ведь вторичное обретенное мощей, а по сути, воскресение великого святого, конечно, не случайно совпавшее по времени с началом высвобождения России из рабства — не есть ли это знак того, что Господь возвращает свою милость нашей многогрешной и многострадальной земле? Но и ждет от нас Великого Покаяния?

Во время молебна перед святыми мощами никто не знал, что сбывается еще одно бытующее в народе предсказание Серафима — о том, что когда во вновь открытый монастырь пойдет из Москвы патриарх с мощами, наступит время последней схватки с антихристом. А спустя восемнадцать дней на нас обрушится некоммунистический путч, вскоре подавленный.

О том, как сбылось в 1927 году горькое предсказание Саровского чудотворца в отношении его обители, имеется свидетельство монахини Дивеевского монастыря Серафимы (Булгаковой):

«В воскресенье Недели мытаря и фарисея приехали изверги разгонять Саров. Это длилось до 4-й недели Великого Поста.

У мощей гробовым стоял в течение многих лет иеромонах Маркеллин. Управляющий Тамбовской епархией архиепископ Зиновий находился в это время в Дивеево. Он вызвал о. Маркеллина и приказал ему взять мощи и скрыться с ними на Кавказе. Но тот отказался, сказав, что он, стоя столько лет у святых мощей, столько видел от них чудес, что

уверен, что Преподобный и сейчас сам не дастся.

Выгонять монахов было трудно. У них почти у всех были отдельные кельи с отдельными выходами, имелось несколько ключей. Сегодня выгонят монаха, а завтра он опять придет и запрется. Служба в церквях еще шла. Наконец, в понедельник Крестопоклонной недели приехало много начальства. Сгребли все святые: чудотворную икону Живоносного источника, гроб-колоду, в которой лежал 70 лет в земле батюшка Серафим, кипарисовый гроб, в котором находились мощи, и другое. Все это сложили между царскими покаями и северным входом Успенского собора, устроили костер, зажгли. Послушник Борис сумел сфотографировать, он приносил нам показать снимок этого костра. Мощи же батюшки Серафима, то есть его косточки, как они были облачены в мантию и одежды, все это свернули вместе и вложили в синий просфорный ящик. Ящик запечатали, а сами разделились на 4 партии, сели на несколько саней и поехали в разные стороны, желая скрыть, куда они везут мощи... Однако как ни хотели скрыть концы, но когда тройка со святыми мощами въехала в село Кременки, там на колокольне ударили в набат.

Мощи везли прямо в Москву. Там их принимала научная комиссия. К этой комиссии сумел присоединиться священник Владимир Богданов. Когда вскрыли ящик, то, по свидетельству о. Владимира, мощей в нем не оказалось. Я слышала это от его духовных детей. Это же говорил и покойный владыка Афанасий, бывший после в ссылке вместе с о. Владимиром в Котласе.

Говорили, что приехав на ночлег, кощунники ящик со святыми мощами заперли в амбаре, а ключи взяли себе. Но сами выпили».

Сарову судьба приготовила новые страшные испытания. Дьявольский ли перст указал Лаврентию Берия это святое место России, только именно здесь, в Саровском монастыре, сталинский палач, в ведении которого были также все работы (в силу их крайней секретности) по созданию ядерного и термоядерного оружия, создал производство водородных бомб. Исчез древний город Саров, возник сверхсекретный закрытый город физиков-узников «Арзамас-16».

В XIV веке, при великом князе Дмитрие Донском, тут был татарский город Сараклыч, прекративший существование вместе с Золотой Ордой, а в XVII веке сюда, в лесные дебри, пришли первые монахи Феодосий, Герасим и Илларион. В 1691 году Илларион с братией начали рыть пещеры для своих келий, а затем и целого подземного хра-

ма. Эти подземелья, очевидно, и пригласились подручным Берии. Теперь вход в них замурован, а над ним — памятник «буревестнику революции», писателю Максиму Горькому. В величественном Успенском соборе устроили гараж для грузовиков, и нетрудно представить, как матерились шоферы под библейскими росписями, отогревая зимой замерзшие моторы. В пятидесятые годы собор взорвали, как и собор Живоносного источника, — из девяти монастырских храмов были уничтожены семь. Разрушена часовня над могилой преподобного Серафима, засыпан родник, в котором исцелились многие тысячи россиян, исчез молитвенный камень. Излишне говорить, что все церковное имущество, богатейшая Саровская библиотека разграблены или уничтожены. На месте могил саровских старцев по советским праздникам ставили кумачовые трибуны, мимо которых маршировали заточенные здесь академики. По сей день в этом святом месте дьявольский контейнер гонит водородные бомбы, и до передачи его верующим, похоже, далеко. Вот почему святые мощи великого праведника возвращаются не сюда, а в соседнюю, женскую Серафимо-Дивеевскую обитель, которую он сам основал и опекал всю жизнь. Чудотворец, почивший в 1833 году, предвидел и это свое посмертное перемещение в Дивеево.

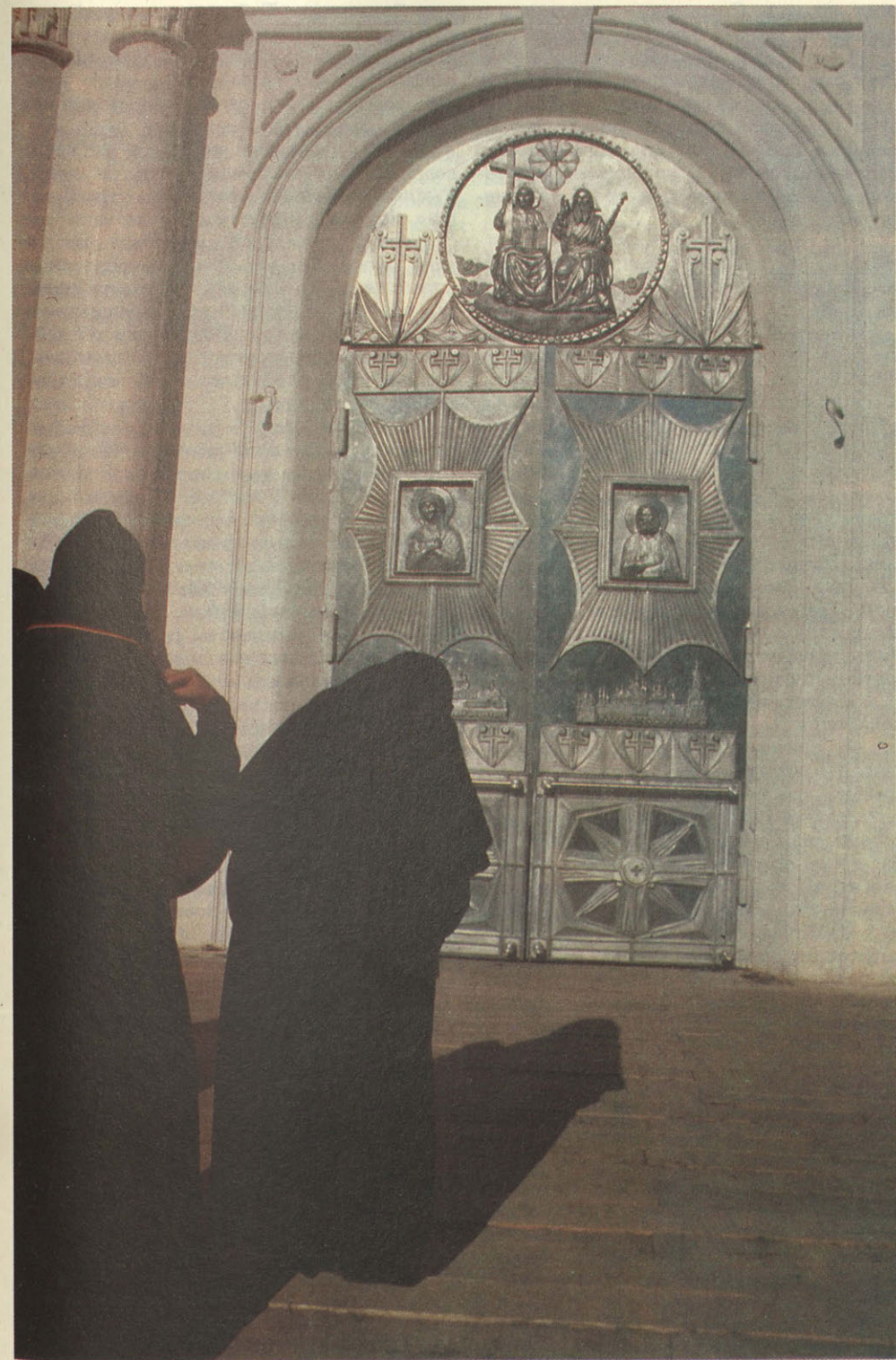
Повторное обретение мощей... Можно ли дважды войти в реку Истории? Ведь и река сама и берега изменились неузнаваемо. В первый раз это произошло в 1903 году, когда Синод, изучив случаи чудесного исцеления множества людей, при активном участии императора Николая II, считавшего Серафима Саровского своим небесным покровителем, решил открыть многоцелебные мощи. Перелистаем свидетельства и документы того времени. Триста тысяч богомольцев, для которых на Нижегородском вокзале построена специальная платформа, приведены в порядок семь километров путей, увеличено количество поездов и установлены льготные тарифы, устроены дома для приема тысячи людей, построены пекарни, амбулатории. И чудеса: именно здесь были услышаны, наконец, мольбы о наследнике венценосной четы; окунувшись в святой источник, хромые сжигали костыли, без которых до того не могли ступить и шагу; слепые и контуженные, немощные и бесплодные, бесноватые и припадочные, лишайные и мучимые лихорадкой находили тут облегчение, а то и полное избавление от всех этих напастей. По изумленному свидетельству дежурных офицеров, слепая вдова-казачка Анна Ивлева прозрела в одночасье.

Помогут ли вновь обретенные святые мощи прозреть нам? Ведь не массовым

же «прозрением» недавних коммунистов объяснить охватившее вдруг общество религиозное рвение — те, кто только что глумился над чувствами верующих, теперь спешит в ряды принимающих мощи, торопится причаститься без исповеди и покаяния, отнесения пронесших веру в терпении и мученичестве. У ворот монастыря, вдоль разрушенной ограды — машины с московскими гэбэшными номерами: прикатили верные последователи Берии, кураторы духовной жизни России. А через несколько недель, после провала путча, в газетах и журналах поименно перечислят главных иерархов Русской Православной Церкви как агентов КГБ с их агентурными кличками. И это не станет шоком для нации и церкви. Все и так знали, только не были уверены, кто именно и сколько их. Да и как верить, если такая информация может исходить только из самого КГБ, а там мастера облить грязью безвинных. Не месь ли это патриарху за то, что он предал анафеме путчистов? Впрочем, митрополит Киевский и Галицкий, патриарший экзарх Украины и постоянный член Священного синода Филарет и не станет отрицать обвинения: «такое, мол, время было, все не без греха» и не отречется от сана.

Тошно и мерзко, а наше российское христианское вопрошение уже точит душу, подсказывает оправдания — ведь и вправду не было у них выбора при сатанинской власти: бороться с ней и быть уничтоженными, растоптанными без пользы для паствы или же вступить с ней в союз, пусть условный, даже фиктивный и такой ценой спасти церковь и нацию от коммунистов. Избави Бог оказаться перед этой страшной дилеммой, вставшей перед священнослужителями уже в 1923 году, когда ее пришлось решать патриарху Тихону — ныне также святому. Но ведь дан уже ответ христианину, чтобы не терзал себя смертным решением, дан в первом стихе первого псалма псалтыри — главного учебника на Руси: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... и на седалищи губителей не сяде». Впрочем, какой я судья владыкам?

А судьба исчезнувших мощей Серафима такова. Будто бы всплыли они в Музее атеизма, открытом в московском Донском монастыре, но вскоре след их затерялся. И вот в декабре 1990 года они были случайно обнаружены при инвентаризации фондов другого музея атеизма — в Казанском соборе Санкт-Петербурга, возвращенном верующим. Догадались по надписи на рукавичках: «Преподобный отец Серафиме, моли Бога о нас». Специально созданная Патриаршая комиссия, освидетельствовав мощи и сверив их с актом вскрытия во время изъятия их из Сарова, установила несомненную подлин-

Монахини
Фото автора

Nuns. Photo
by the author

ность находки. Совпадали с описанием и медный наперсный крестик, видимо, тот самый, что дала Прохору мать, напутствуя его перед паломничеством в Киев, и зеленая муаровая подушечка, на которой покоилась глава святого, и другие реликвии, снимая с души нашей тяжесть невольных сомнений, рожденных дивеевскими преданиями о тайном их похищении верующими.

Одна из саровско-дивеевских тайн открылась ко времени. Мощи преподобного были перенесены сначала в Троицкий собор Александро-Невской Лавры, 7 февраля 1991 года торжественно перевезены в Москву, на поклонение в Богоявленский Елоховский собор, а 23 июля после всенощного бдения, совершенного Святейшим Патриархом и другими архиереями Русской Православной Церкви, и торжественной литургии крестным ходом отправилась в Серафимо-Дивеевский монастырь, напутствуемые торжественными молебнами в соборах Ногинска, Орехово-Зуева, Владимира, Нижнего Новгорода, Арзамаса. Вместе с недавним празднованием Тысячелетия крещения Руси это стало одним из самых духоподъемных и раскрепощающих событий на нашем возвратном пути к цивилизации.

...И вот впереди купола Дивеевского монастыря. Процессия втягивается в село — долгий путь близок к завершению. По сторонам — та же кондовая бревенчатая Россия, которая смотрит с фотографий 1903 года. Хотя за несколько прошедших месяцев церковные власти при всемерной поддержке доброхотов сделали максимум возможного для приведения разоренного монастыря в приличествующий событию вид, следы варварства и запустения невольно бросаются в глаза: разрушена стена, обезглавлена колокольня, ухоженная и цветущая некогда территория превращена в пустырь, усыпанный битым кирпичом. Процессия истоиво молящихся и преклоняющих колени паломников со слезами радости на глазах, сонм православных владык со всего мира в сверкающих золоченых одеждах смотрятя потусторонне в этом огромном безбожном пространстве разрушенного мира. Но в этой иррациональности происходящего, в торжестве духа над поверженной материей присутствует нечто неуловимое и необъяснимое, что волнует и щемит до боли сердце.

Радует душу свежей побелкой огромный собор, сверкают на солнце новой медью его купола. Внутри — следы большого ремонта, вместо иконостаса пока — фанерные листы, но иконы уже пишутся, собираются верующими. Чувствуется, что храм оживает после долгой летаргии. Шестьдесят лет несколько поколений православных хранили «Вели-

кую Дивеевскую Тайну» с надеждой, что сбудется и это предсказание святого — о нынешнем событии, хотя едва ли еще совсем недавно наша жизнь могла дать хоть какие-то основания для такой надежды самым долготерпимым.

Раку с мощами внесли в собор и водрузили на постамент перед алтарем. Тысячи паломников заполнили храм, растеклись по территории монастыря, где с лотков, из дверей автолавок продавали церковные календари, переиздания житий святых и историй Сарова и Дивеева, прочую запрещенную до недавнего времени литературу. Воздух вокруг был наполнен ощущением приподнятости, праздничного возбуждения и необычности происходящего.

В 21.00. в соборе отслужили молебен. Несмотря на поздний час, мало кто после трудного долгого дня отправился на покой в палаточный городок, разбитый для паломников на окраине села. Теплый и ясный вечер с малиновым закатом был участием природы в этом празднике, и уставшие за день старушки мирно уснули, сидя под открытым небом. У дверей собора молился на коленях увешанный образами и крестами юродивый, богомольцы ходили целовать кресты на могилах дивеевских монахинь, падали ниц у огромного раскидистого дерева, известного тем, что под ним праведникам являлась икона Божьей Матери. До ночи светлячки зажженных свечей прочерчивали путь от собора к святому дереву. В соборе всю ночь шла служба.

И вот настало 1 августа, день нового сретения мощей преподобного Серафима, отныне — красная дата в Святцах. Как и накануне, было тепло, на небе ни облачка. С раннего утра в монастыре шла подготовка к торжеству: тщательно убирали территорию, выстилали цветами путь от арки ворот до входа в собор. Первые лучи солнца застали меня у железной дверцы, ведущей на монастырскую колокольню — с вечера я договорился со звонарем Сергеем Захаренковым, что он возьмет меня с собой наверх, к колоколам, когда пойдет звонить к заутрене.

Старинная лестница местами разрушена вместе с перекрытиями и взамен отсутствующих пролетов наведены в срочном порядке новые, без перил, сваренные из арматуры. С каждым новым ярусом дивеевская земля открывается взору полнее и краше — с лесами и полями. Исчезают нанесенные злодейской рукой шрамы, столь явные внизу приметы убожеского быта. Новый, высотный, ракурс совершенно преображает действительность и восприятие, меняет перспективу. С яруса звонов, оказавшегося вровень

с куполами огромного Троицкого собора напротив, просторный монастырский двор уменьшается до размеров площадки, собор же, не видимый во весь рост с земли, наоборот, вырастает в пространственную доминанту вселенским организующим стержнем, к которому приникли сотни страждущих.

В проломах над головой плыло близкое небо, а звонарь с зачарованным лицом лесковского героя раскачивал язык большого колокола. Тяжелый гул заполнил барабанные перепонки, и мир вокруг вдруг засиял переливами неиспытанной радости. Как бы для посвященного, звучали теперь для меня вчерашние откровения Сергея: «Я ведь нездешний, из Киева, работаю там сторожем в женском монастыре, а здесь месяц как приехал. На велосипеде — Богоматерь позвала. Крест на Успенский собор ставили за две недели до торжеств, так, представляешь, круглая радуга вокруг креста засияла! А когда я в колокола звонил, звуки, как будто ангелы трубят. Колокола старые, треснутые, а ясно слышу ангельские трубы. У меня слезы на глазах. Эх, жаль, народу немного из Дивеева дошло — власти тут людей стращали, что, мол, идут в Дивеево с паломниками три тысячи головорезов. В собор пойдете — дома пограбят».

До полудня далеко внизу у вынесенной из собора раки шло священнодействие иерархов. Молились и плакали люди, нескончаемой чередой торопились приложиться губами к стеклу на крышке саркофага, тут же причащались у митрополитов и отходили с очистившейся и умиротворенной душой.

Государю императору Серафим оставил письмо. Можно думать, оно было адресовано и всем последующим правителям России. Николай II читал его через семьдесят лет после кончины святого. Прочел и, говорят, заплакал. Что было в том письме — еще одна тайна чудотворца. Возможно, предсказание мученической судьбы России и гибели царя и его семьи в большевистских стенах? Но если Николай знал уже тогда, в 1903 году, то почему не предотвратил, почему был так либерален и беспомощен с Лениным? По лабохарактерности или не решился довериться ясновидцу? Но ведь известно было про Серафима, что он уже угадал одну революцию, когда 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов, старец вскричал, находясь за тысячу километров от столицы: «Драка! Драка! В Петербурге бунт против государя!»

В отличие от Николая II, Ельцин не почтил Дивеево своим присутствием, он прислал телеграмму, что вполне в духе времени, к тому же в обществе так и не решен вопрос: важнее людям колбаса или совесть. Что приходится на его долю в письме Серафима, да и есть ли оно еще, это письмо, если даже косточки провидца упрятали от народа? Впрочем, так уж ли необходимо пытаться разгадать все дивеевские тайны? Ведь ответ на вопросы нашего апокалиптического времени звучит в словах Серафима, которыми он встречал каждого, к нему пришедшего, и которым нужно лишь суметь открыть свое сердце: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Неоспоримо, что и в монашестве, как и везде, где есть люди, присуще зло, но оттого столь очевидное, что ожидают от монашествующих жития не человеческого, а равноангельского. Виновны, следовательно, не монахи, а люди, и чтобы зла не было, надлежало бы поэтому уничтожить не монашество, а человечество. Но, взирая только на одне общечеловеческия слабости, привносимые из мира и во обители, мир не видит, потому что не хочет видеть, тех великих заслуг, которыя монашество в продолжение 16 столетий оказывало с любовью и полным самопожертвованием присно восстающему на него миру. Заслуг этих перечислить невозможно; иначе бы пришлось нам описывать всю историю человечества; ибо везде первый шаг делали монахи и из глубины своих убогих келий просвещали мир, и нравственно и умственно ему благодетельствуя.

Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря, 1876 г.